

МАСТЕР АБСУРДА

ПРОЗА
АНДРЕЯ ВОЛОСА

АНДРЕЙ ВОЛОС

РАССКАЗЫ
ИЗ
КОФЕЙНОЙ ЧАШКИ

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В68

Оформление серии *Сергея Курбатова*

Волос, Андрей.
В68 Рассказы из кофейной чашки : сборник / Андрей
Волос. — Москва : Эксмо, 2018. — 288 с.

ISBN 978-5-04-098971-3

Одному из рассказов Андрея Волоса предпосланы слова Шервуда Андерсена: «Все доведенное до совершенства полно своей собственной прелести».

Похоже, фраза зарубежного классика вполне отражает творческие принципы отечественного автора. Андрей Волос добивается максимальной образной и логической завершенности текста. В его творчестве форма всегда главенствует над содержанием — или, во всяком случае, автору удается убедить в этом читателя.

Андрей Волос прирожденный рассказчик: главы его больших романов могут жить отдельно, а снискавший широкую известность «Хуррамабад», несмотря на всю свою цельность, тоже является, в сущности, книгой рассказов, изопренно связанных между собой.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-098971-3

© Волос А., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

ЛАВАШ

Билетов не было.

Помаячив на перроне, Черевин подошел снова.

— Ну дай билет, дай! — сказал он, глядя исподлобья. — Дай билет! Ну позарез надо!

Билет стоил ровно десятку, но в пальцах Черевин сжимал двенадцать рублей. Он просунул ладонь в окошечко так, чтобы кассирша видела: не десять здесь, двенадцать!

— Нет билетов, — повторила кассирша. Она не поднимала головы от какой-то ведомости и быстро черкала в ней карандашиком.

— Очень надо, — повторил Черевин. — Дай. Он переступил с ноги на ногу.

— Билетов нет, — ответила она. Черевин услышал, как в горле у нее что-то хрупнуло, словно порвалась какая-то пленочка. Она прокашлялась: — Через час подойдите.

— Через час? — переспросил он так, словно не знал, что через час поступят сведения о ереванском, который к этому времени подползет к Адлеру.

— Через час.

— Дала бы ты мне билет, а? — сказал Черевин, не убирая денег.

— Да вы что, в конце концов! — возмутилась кассирша, вскинув голову. — Отойдите, нет билетов! Я же сказала — через час!

Черевин выдернул ладонь из окошка, схватился обеими руками за хлипкий подоконничек и, прильнув к стеклу, забормотал угрожающе:

— А, мало тебе! Мало вам всем! Конечно, я сотню кинуть не могу! Я тут жить должен! Мне билета нет!

Он тряс подоконник. Дрожала вся будка.

— Прекрати! — крикнула кассирша. — Милиция!

— У, сволочь! — буркнул Черевин, отходя от кассы в темноту перрона.

Ночь висела над ним черным пологом. Здесь, где фонари не слепили глаза и рельсы не сверкали, а только матово поблескивали, над головой виднелись звезды. Их было много. Черевин смотрел на них, задрав голову. Он качался с носка на пятку.

— Сволочь, — повторил устало. — Мне как будто ехать не надо.

Он медленно дошел до конца перрона. Перрон был низким. Черевин ступил на гравий и сделал еще несколько шагов. Гравий хрустел. Он нагнулся, выискал среди пыльных камней покрупнее и почти минуту играл им на ладони, представляя, что будет, если засветить кассирше в лоб. Размахнулся, запустил камень в темноту. От нечего делать

ЛАВАШ

покопал гравий носком узконосой туфли. Потом забрался на перрон и пошел назад, туда, где на скамейках вокруг билетного киоска люди клевали носами возле своих чемоданов.

Пахло хлебом.

На скамье рядом с человеком лежал плоский кругляк свежего лаваша. Черевин даже в этой полутьме видел, какой он тонкий в середине, как плавно сначала, а потом все резче утолщается к краям. Запах наплывал волнами, и, когда он шел мимо лаваша в одну сторону, пахло сильнее, а когда в другую — запах почти пропадал.

Черевин сплюнул, развернулся, пошел назад и, проходя мимо, на этот раз решительно сбил шаг и сел на скамью. Сев, он стал смотреть прямо перед собой, тихо мурлыча что-то под нос.

Лаваш лежал между ними.

Человек поднял низко согнутую дремой голову и посмотрел на Черевина. Боковым зрением Черевин видел, что тот все смотрит и смотрит, никак не оторвется. Тогда он сам повернул голову, и они встретились глазами.

У человека на скамье взгляд был таким спокойным, словно все на свете он знал наперед. Черевину показалось, будто что-то сжалось у него в животе: в первый момент он принял этого человека за того, с которым схлестнулся вчера спьяну в городском парке. Вот и у того глаза были точно такие же. Черевин было насел на него поначалу, напер, но потом отступил на виду у всех, и до сих пор позор этого отступления жег ему грудь. Сlish-

ком спокойные были глаза. А побеждает не тот, кто сильнее, а тот, кто спокойнее.

Человек отвернулся, почесал щеку. Поташил из кармана сигареты. Нос у него был кривой.

— Билетов нет, — сказал осторожно Черевин.

Тот покосился, кивнул. Потом чиркнул спичкой, и оба они ослепли на несколько секунд.

— Я ей говорю, — заторопился вдруг Черевин, — дай мне билет. Позарез мне ехать надо, говорю.

Он посмотрел на лаваш, белевший во тьме, как упавшая с неба луна.

— Кушай, пожалуйста, — сказал человек, медленно поворачивая к нему голову. — Пожалуйста. Кушай.

— Нет, нет, — сказал Черевин, замотав головой из стороны в сторону. — Нет, я не хочу. Я ел недавно. Я хлеба не ем. Лаваш — это же ваш хлеб, да?

— Хлэб, да, — сказал кривоносый. — Кушай.

— А она говорит — через час. Я знаю. Тут ведь так. Тут у кого деньги есть — тот король. Я ей сотню не могу кинуть. Через час! Я уже два поезда пропустил.

— Крушение, — сказал кривоносый. — Авария. Билетов нет. Ты кушай, кушай.

— Нет, не хочу, — сказал Черевин, глотая слюну. — Крушение, да. Я к ней и так и этак. Дай, говорю, билет. Не дает. А как мне быть? Знаешь, продай мне половину, а? — сказал он. — Продай! Я тебе сейчас заплачу!

Черевин привстал и, сунув руку в карман, стал шебаршить там, звеня мелочью и приговаривая:

— Сейчас! У меня же есть деньги. Если бы у меня денег не было... Сейчас!..

Кривоносый смотрел на него спокойно, огонек сигареты был ярко-красным. Когда наконец выудил Черевин из кармана несколько блеснувших ртутью монеток, протягиваемых на ладони, он сказал медленно:

— Не продается.

И отвернулся.

Черевин помолчал, сжав монеты в кулаке и не зная, что делать с кулаком. Потом сказал просительно:

— Ну продай, что ты... Тебе же много. А я есть хочу. И взять негде. Продай.

Издали послышался гудок, и вдруг по товарному составу, стоявшему на дальних путях, побежал удар, перескакивая со звоном и гулом от буфера к буферу, от вагона к вагону. Он дробно прокатился от самого тепловоза, боднувшего первый вагон своей упрямой железной головой, до самого последнего, дернувшегося, чтобы передать движение соседу, но не сумевшего его передать, потому что соседа не было. Тепловоз уперся колесами в рельсы покруче и повел в другую сторону, и снова рывком — опять побежал стук, словно не вагоны, а люди подставляли друг другу железные ладоши. Тихо, а потом все быстрее вагоны покатались друг за другом по своему железному пути. Скоро все затихло. Только вдалеке,

казалось, кто-то позванивает по рельсам молоточком.

— Ну, можно, я оторву, что ли... — сказал Черевин.

— Кушай, пожалуйста, — отозвался кривоносый. — Кушай.

Черевин помедлил, потом протянул к лавашу обе руки и стал тянуть его теплую влажную плоть в разные стороны, чувствуя, как она поддается, как тянется, как начинает рваться. Он откусил от краюхи и стал медленно жевать — чтобы душистый хлебный сок постепенно стекал в горло.

— Я не люблю так, — сказал он с набитым ртом и откусил еще. — Я люблю, когда все ясно.

Кривоносый хмыкнул неопределенно.

— Я люблю, когда без одолжений, — упрямо сказал Черевин. — Зачем эти одолжения? Я не люблю.

Он снова откусил и несколько раз яростно жевнул.

— Зачем они? — спросил он. — Зачем? Чтобы сделаться должным? Я не люблю быть в долгу. Зачем, если можно купить? Верно?

Кривоносый молчал.

— Вот ты мне дал хлеба, верно? — говорил Черевин. — Теперь я тебе должен что-нибудь дать. А если у меня ничего нет? Тогда как? Лучше бы ты взял у меня деньги. Я же не знаю, что ты у меня попросишь теперь.

Черевин говорил эти слова, чувствуя, что с каждым из них, безвозвратно вылетающих в простран-

ство из набитого хлебом рта и так же безвозвратно меняющих мир в худшую сторону, ядовитый зуд мщения не утихает, как должен был бы, а, напротив, становится все сильнее.

— Почему я должен быть должным? — сипло спрашивал Черевин, откусывая еще и еще от задыхающейся в кулаке мякоти. — Почему? Что, без этого нельзя, что ли? Обязательно все друг другу должны быть что-то должны?

Кривоносый внимательно на него смотрел — не моргая, не щурясь. Черевин задохнулся. Он почувствовал, что говорит правильно, в нужном направлении, что главное — не менять тона, и тогда еще несколько слов — десяток от силы, — и он его ударит, этот кривоносый. И уж тогда у Черевина будут все основания впиться ему в горло так, как впивается он сейчас в его хлеб.

— Верно? — спрашивал Черевин, глядя ему в глаза. — Верно? Ведь кабы я знал, что ты у меня потом попросишь, то это одно. А я не знаю. Верно? Чем же мой долг измерить? Ничем. Нечем. Кроме денег. Вот я и говорил — возьми деньги. Помнишь?

Черевин сделал легкое движение к нему, чуть придвигаясь и как бы подставляя щеку.

— Нет, ты помнишь? — сказал он, чувствуя легкое замирание души: вот оно, сейчас. — Так я и говорю: взял бы ты деньги.

И, расширив глаза, чтобы не зажмуриться ненароком, он протянул на плоской ладони все это время сжимаемые в кулаке монеты.

Они блеснули, отразив не то фонарный, не то звездный свет. Их было три — круглых и блестящих. Ладонь подрагивала. Черевин распрямлял ее изо всех сил — так, что пальцы загнулись в другую сторону. Остервенение, испытываемое им, было похоже на легкий хмель. Что-то позванивало в ушах, и толчками гуляла по всему телу кровь. Если бы оставалось хоть немного времени, он бы еще кое-что ему сказал. Ему было что сказать. Подарочки? Одолжения?! Протянуть кусок хлеба не глядя — все равно что отмахнуться. Отмахнуться, не заметив, не посмотрев в лицо, не узнав того, что есть на свете такой человек — Черевин. Не надо одолжений. Надо взглянуть. Остановиться. Запнуться об него. Вот он — Черевин. Нет, мимо не пройдешь. Вот оно, сейчас.

— Не надо, — мягко сказал кривоносый и обеими своими широкими и костистыми ладонями плавным теплым движением обнял ладонь Черевина так, что она сама собой медленно закрылась, спрятав в черноте своей блестящие только что монеты.

— Ах, ты! — только и успел сказать Черевин, резко выдергивая руку; почувствовав, что начинает задыхаться, он резко вдохнул, желая распрямить грудь и наполнить ее порцией свежего воздуха; но действие это привело к обратному результату: толика хлебных крошек и полупрожеванной мягкости забила горло, и Черевин согнулся, сипло и жестко кашляя. Он поворачивал голову, чуть разгибаясь, и видел, что тот стоит возле, го-

ЛАВАШ

воря что-то на непонятном ему языке куда-то в сторону кассы. Потом кривоносый взял сумку и пошел. Черевин захрипел и хотел было броситься за ним, но приступ кашля снова повалил его на скамью.

— Сволочь!.. — удавалось ему сказать время от времени.

В конце концов перхота прошла, и он, утирая слезы, смог выпрямиться. Стал высматривать кривоносого, но так и не высмотрел. Возле кассы стояла куцая очередь из нескольких человек — должно быть, время подходило к урочному часу.

Лаваш лежал рядом. Сейчас он был похож на расколловшуюся луну с изъяном в том месте, откуда отрывал Черевин. Он не пах уже столь одуряюще, как раньше. Может быть, потому, что Черевин уже не так хотел есть. Он смотрел на лепешку и не знал, что с ней сделать — просто швырнуть в темноту или бросить под ноги и топтать. Он оглянулся еще, покрутил головой, ища кривоносого, чтобы проделать это у него на глазах. Кривоносого не было. Черевин взял лаваш, сложил пополам и сунул под мышку.

К кассе он подошел вовремя — ему удалось убедить усатого старика, что в прошлой очереди он стоял как раз перед ним. Ему достался третий по счету билет. Он молча протянул десятку.

— Еще два рубля! — сказала кассирша. — Плацкартных нет. Купе.

— Мне купе не надо, — сказал Черевин. — Плацкартный мне.

Но сзади наперли нетерпеливо, и он сунул в окно последние два рубля. Оставалась теперь только та мелочь, что он хотел отдать кривоносому.

Поезд появился из темноты, предваряемый широким полотном белого электрического света. Рельсы вспыхнули. Кучи гравия по сторонам пути побелели и зашатались. Ключья бумаги и мятые стаканчики от мороженого тоже отбросили свои тени. Снова стало темно, пахло гарью, покатались друг за другом вагоны.

С лавашем под мышкой Черевин трусцой бежал по перрону. Вагон катился все медленнее. Проводница уже открывала дверь. Вот она распахнула ее.

— Восьмой? — крикнул Черевин.

Она кивнула.

Поезд встал, залязгав. Проводница откинула стальной полк.

— Что, без вещей? — спросила она ворчливо, рассматривая билет.

— А что? — спросил он.

— Да ничего, — буркнула она. — Как с пожарища... Проходи.

Черевин пожал плечами и прошел было, но потом вернулся и сказал мстительно ей в спину:

— А что, обязательно вещи должны быть? А я вот без вещей! Нет у меня вещей! Лаваш вот у меня есть! А?

Проводница повернулась и тяжело посмотрела на него. Лицо у нее было помятое и толстое.

Должно быть, ей хотелось спать. Ей было лет пятьдесят. От форменной тужурки исходил форменный же запах вокзала.

— Необязательно, — снова буркнула она. — Проходи, проходи.

По перрону бежали.

Черевин вошел в купе, резко грохотнув дверью. В купе никого не было. Он положил лаваш на столик. И сел к окну.

Поезд стоял тихо, молча. Кругом спали, должно быть. Шаги в коридоре бухали так, словно кто-то специально стучал каблуками. Дверь распахнулась. Черевин приветливо кивнул.

— Вместе поедем? — сказал он.

Давешний старик сел к окну, принялся поглаживать усы, его сын — рядом с ним.

— Кушать не хотите? — осведомился Черевин. — Кушайте, пожалуйста.

Старик серьезно кивнул и отщипнул крошечный кусочек. Он осторожно положил его в рот и мелко пожевал.

— Кушайте, кушайте, — повторил Черевин, улыбаясь.

Сын тоже протянул руку и тоже отщипнул.

Поезд едва заметно качнулся. Что-то заскрипело в его негибких сочленениях. Дверь поехала, ударилась, загремев, в купе шагнул кривоносый и, механически поздоровавшись, уперся затем взглядом в лицо Черевина.

Черевин отвернулся и стал смотреть в черное стекло. Там рождались и гасли огни фонарей и